DOI: 10.31249/rsm/2024.02.06

А.К. Магомедов

ЛОКАЛИЗОВАННАЯ ГЕОПОЛИТИКА ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ВОЙН НА ПОСТСОВЕТСКОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСПОРТИРОВКИ «БОЛЬШОЙ КАСПИЙСКОЙ НЕФТИ»

Аннотация. *В статье анализируются аспекты военно-трубопроводной дипломатии, применяемой к транспортировке каспийской нефти в постсоветские десятилетия. В центре исследования – военно-дипломатические усилия трех мятежных территорий постсоветского Кавказа: Абхазии, Чечни и Южной Осетии в отношении трубопроводных проектов Баку–Супса, Баку–Новороссийск и Баку–Джейхан соответственно. Характерной чертой данных усилий стало то, что публичная силовая эскалация происходила не в форме военных акций, а в стилистике постконфликтных ультиматумов мятежных регионов, предъявляемых Грузии, России и международным нефтяным компаниям. Автор делает попытку преодолеть общепринятые интерпретации характера и масштабов постсоветской каспийской политики. В статье выявлен и описан феномен локальной военно-силовой дипломатии в отношении транспортировки каспийской нефти в постсоветский период. Для исследования этой темы в работе был применен аналитический инструментарий «критической геополитики» с упором на локальный масштаб каспийско-кавказских событий и дискурсивные практики региональных правящих групп.*

Ключевые слова: *каспийская нефть; трубопроводы; мятежные регионы Кавказа; военные угрозы; дипломатические имитации.*

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета; профессор кафедры зарубежного регионоведения Московского государственного лингвистического университета. Россия, Москва.
E-mail: armagomedov@gmail.com
Scopus Author ID: 7005785822

Magomedov A.K. **Localizing the Geopolitics of Infrastructure Wars in the post-Soviet Caucasus in the Context of «Big Caspian Oil» Transportation**

Abstract*. The paper scrutinizes the dramatic processes of military-pipeline diplomacy in relation to the transportation of Caspian oil in the post-Soviet period. The study focuses on military-diplomatic efforts of the three rebel territories of the post-Soviet Caucasus: Abkhazia, Chechnya, and South Ossetia in relation to the Baku-Supsa, Baku-Novorossiisk, and Baku-Ceyhan pipeline projects, respectively. A characteristic feature of these efforts was that public power escalation took place not in the form of hostilities, but in the form of post-conflict ultimatums of the rebel regions with regard to Georgia, Russia, and international oil companies. The author explores the global context of these events and concludes that the separatist projects were military-diplomatic imitations for entering international public policy. The analysis shows that energy wars and related diplomatic imitations are becoming important components of the foreign policy of unrecognized states and separatist entities. The author takes a step towards overcoming the generally accepted and harmful interpretations regarding the nature and scope of the post-Soviet Caspian policy. The article identifies and describes the phenomenon of local military-power diplomacy in relation to the transportation of Caspian oil in the post-Soviet period. To study this topic, the analytical tools of «critical geopolitics» are used in the work, focusing on the local scale of the Caspian-Caucasian events and the discursive practices of regional ruling groups.*

Keywords: *Caspian oil; pipelines; rebellious regions of the Caucasus; military threats; diplomatic imitations.*

Magomedov Arbakhan Kurbanovich – Doctor of Politics, Professor, Senior Researcher of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy of the Russian State University for the Humanities; Professor of the Department of Foreign Regional Studies of the Moscow State Linguistic University. Russia, Moscow.
E-mail: armagomedov@gmail.com
Scopus Author ID: 7005785822

Введение

События последних лет, связанные с нападениями на объекты подводной инфраструктуры (начиная от взрыва «Северного потока-2» до повреждений оптоволоконные кабелей и трубопроводов в Северной Балтике) актуализировали проблему безопасности стратегических коммуникаций в современном мире. Спустя пару недель после диверсии на «Северном потоке-2» политический редактор британского таблоида «Дэйли Мэйл» привел слова английского министра обороны Бена Уоллеса, который заявил, что «загадочный ущерб, нанесенный трубопроводу “Северный поток”, должен служить напоминанием

о том, как хрупкая инфраструктура и экономика Великобритании столкнулись с угрозой "гибридных атак"». По свежим следам данного заявления английское правительство приказало своим ВМС срочно обследовать ключевые трубопроводы и важнейшие подводные силовые кабели [Groves 2022]. В эти же дни ряд государств НАТО сделали заявления о том, что будут усиливать контроль над подводными телекоммуникационными магистралями [Maillot 2022].

Дополнительную актуальность этой теме придают события 2020 г., связанные с громкими вооруженными столкновениями между Арменией и Азербайджаном накануне полномасштабной войны за Карабах. Трубопроводный и инфраструктурный аспект данного конфликта имел подлинно угрожающую остроту в моменты нарастания противостояния. Враждующие стороны угрожали нанести удары по жизненно важным и фатальным объектам экономики противника: Армения – по Мингячевирскому водохранилищу, Азербайджан – по Мецаморской АЭС.

Данные события напоминают и делают актуальными процессы, связанные с историей военно-трубопроводной дипломатии первых постсоветских десятилетий на Кавказе, вызванные началом транспортировки «ранней» и «большой» каспийской нефти. У истории постсоветского Каспия много интересных эпизодов, связанных главным образом с вопросами энергетической геополитики. Я хочу исследовать те аспекты, которые малоизучены или вообще неизвестны научной аудитории.

Фундаментальное новшество предлагаемой работы состоит в творческой реинтерпретации общепринятого взгляда на содержание каспийской энергетической дипломатии в первые постсоветские десятилетия. Дело в том, что, несмотря на огромное количество публикаций по каспийской тематике, имеющаяся литература по большей части воспроизводит общепринятую трактовку постсоветского Каспия как арены столкновения глобальных и национальных геополитических игроков в борьбе за ресурсы и пространство [Гусейнов 2002; Магомедов, Никеров 2011; Малышева 2007; Anker 2010; Ismailov 2014; Kubicek 2013]. Эту традиционную интерпретацию, как правило, выражают с помощью, хотя и бесплодных, но общепринятых и ставших модными публицистических штампов типа «Большая игра на Каспии», «Великий шёлковый путь», «энергетическая пуповина Евразии» и т.д. Подобные клише надолго определили массовый исследовательский тренд в отношении каспийской тематики, при этом отнюдь не приблизив читателей к лучшему пониманию проблем региона. Однако приходится констатировать, что за пределами этого массового экспертно-аналитического тренда без должного внимания остался локальный уровень каспийской политики.

Таким образом, предлагаемая в данной работе реинтерпретация содержания каспийской политики заключается в исследовании феномена локальной

военно-силовой дипломатии в отношении транспортировки каспийской нефти в постсоветский период. В центре исследования – процесс реализации военно-инфраструктурного шантажа как способа функционирования политики непризнанных государств и территориальных образований, расположенных рядом с важными энерго-транспортными коммуникациями Каспийско-Кавказского региона.

Для настоящего исследования наиболее продуктивным с точки зрения приобретения нового знания является парадигма «критической геополитики». Наиболее яркими представителями последней можно считать Дж. Тоала, Дж. Локлина, А. Мэрфи, Дж. Энью, И. Окунева, В. Колосова, В. Мамаду и др. [Окунев 2012, с. 152–158; Тоал, Колосов 2009, с. 38–59; Agnew 2020, p. 1199–1227; O'Loughlin 2009, p. 241–251]. «Критический» подход важен для нашего исследования в двух отношениях.

Первым методологическим ориентиром для данного анализа стало переосмысление геополитики как дискурсивной практики. С помощью этих дискурсивных практик политические интересы и эгоизмы оформляются в виде сценариев, пространств и картографии. Мы имеем дело с репрезентациями, геополитическими образами, дискурсами и манифестациями. Эти усилия зачастую служат легитимизации и оправданию последующих внешнеполитических действий. Сказанное отражает закономерную картину того, что в эпоху публичной политики властное действие как правило является деянием говорящего человека. В свою очередь, упор на дискурсивный характер политики и дипломатии дал толчок к переосмыслению и ренессансу геополитики, которая переживала упадок после Второй мировой войны.

Вторым методологическим ориентиром данного подхода является понятие «локализованная геополитика». Оно позволяет концептуализировать конфликтные и постконфликтные территориальные кейсы с помощью децентрализованного понимания политических процессов. Этот подход в наиболее зрелой форме был предложен французскими учеными Ивом Лакостом и Мишелем Фуше [Lacoste 2000, p. 128–156; Foucher 2000, с. 163–165]. Последние сформулировали его в рамках «новой» или «слабой» геополитики – геополитики, уходящей от анализа глобальных центров силы в сторону понимания региональных и локальных единиц, рожденных мировыми потрясениями конца XX в. Данный концепт дает возможность преодолеть застарелые геополитические представления, выполненные в духе пренебрежения к локальной географии и без учета местных особенностей – того, что Дж. Локлин и А. Мэрфи называли «политологией без чувства географии».

Помимо приведенных двух исследовательских параметров из арсенала «критического подхода», в качестве третьего обозначения геополитики я предлагаю термин «коммуникации». Геополитическое положение субъекта определяется во многом его отношением к основным коммуникационным

линиям, по которым проходят потоки людей, ресурсов, товаров, идей, информации. Важным теоретическим основанием работы стал тезис о том, что торгово-транспортные коммуникации (в нашем случае нефте- и газопроводы) являются способами распространения политического контроля наряду с миссией транспортировки товаров и освоения географического пространства. По мнению отечественного философа Сергея Королёва, «дорога может стать стержнем (сердцевиной) пространства власти, каналом властных импульсов» [Королев 1997, с. 76]. Данный тезис показывает, что транспортная инфраструктура может выступать региональным инструментом мобилизации публично-политических ресурсов.

Важным исследовательским методом работы является сравнительный анализ. Он дал возможность проследить синхронность энергосиловой дипломатии Чечни и Абхазии в середине 1990-х годов.

Данное исследование опирается на уникальный корпус источников. Уникальность их заключается в том, что они являются элементом личного архива лидера абхазской диаспоры в США, которая в 1990-е годы носила название «Миссия Абхазии» (Mission of Abkhazia), а позднее «Абхазский альянс» («Abkhaz Alliance»). В контексте исследования особую ценность имеют письма полномочного представителя Абхазии в Соединенных Штатах Америки и в ООН Инала Казана (гражданина Америки черкесского происхождения, который представлял интересы Абхазии на мировой арене), в адрес крупнейших мировых нефтегазовых компаний и международных организаций[1]. В этих письмах изложена военно-политическая мотивация абхазской стороны в отношении нефтепроводных и инфраструктурных проектов на территории Грузии. В научно-инструментальном плане использование данных посланий позволяет ввести в исследовательский обиход весьма значимую фактуру, что может быть полезно в практическом отношении. Здесь необходимо отметить, что документы личного происхождения являются важной составной частью любого архивного наследия. Они могут содержать в себе редкие сведения, раскрывающие те стороны политической жизни, которые не фиксируются в официальных материалах. Как отметили члены редколлегии академического журнала «Геополитика», «наряду с концептуальными

1. Письма являются частью архива руководителя абхазской диаспоры в США Яхья Казана – человека, который взял на себя роль полномочного представителя Абхазии в США. Представительство называется «Миссия Абхазии» («The Mission of Abkhazia») и расположено в Нью-Йорке. Корреспонденция была передана автору данной работы Яхья Казаном через бывшего спикера абхазского парламента Станислава Лакобы. Свидетельства, воспоминания и интервью последнего, данные им автору этой работы во время международного зимнего симпозиума в университете Хоккайдо в январе 2016 г., также легли в основу данного исследования.

инновациями эмпирическая новизна, или новый источник, является основным оправданием для публикации» [Agnew 2020, p. 1200, 1210]. Эти документы позволяют восстановить политическую атмосферу эпохи сепаратистских войн 1990-х годов на Кавказе, в рамках которой реализовывались интересы различных акторов.

Остальные источники представлены разнообразными публикациями по проблемам борьбы за каспийскую нефть в конце XX – начале XXI столетий, аналитическими докладами, материалами российских и зарубежных СМИ.

Абхазский и чеченский военно-транзитные казусы 1990-х годов: дипломатические и силовые имитации мятежных территорий

Краткая справка о каспийских трубопроводах. В середине 1990-х годов началось планирование нефтепроводных проектов, которые должны были вывести каспийскую нефть на мировые рынки по территории Азербайджана, Грузии и Турции. Результатом таких усилий стало строительство нескольких инфраструктурных объектов: двух нефтепроводов, а также портов и терминалов на черноморском побережье Грузии для приема нефти, перевозимой по железной дороге. Для ясности картины дадим краткий обзор каждого из вышеприведенных инфраструктурных проектов в цифрах.

1. Первым из упомянутых объектов был сравнительно маломощный нефтепровод Баку–Супса, запущенный в 1999 г. Его строительство объяснялось необходимостью транспортировки «ранней» азербайджанской нефти до небольшого грузинского порта Супса на Черном море. Пропускная способность трубопровода 150 тыс. баррелей в сутки, длина – 830 км.

2. Основная нефтяная трасса Каспия и Южного Кавказа, выходящая к Средиземному морю через территорию Грузии и Турции, трубопроводная система Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), была введена в строй в 2006 г. В отличие от нефтепровода Баку–Супса, БТД был возведен для доставки «большой» каспийской нефти на мировые рынки через турецкий порт Джейхан. Мощность проекта 850 тыс. баррелей в сутки, протяженность новой нефтяной трассы – 1773 км. Лоббируемый влиятельными западными политиками и построенный с помощью иностранных капиталов, БТД называли геополитическим триумфом коллективного Запада.

3. Транспортировка казахстанской нефти (предварительно доставленной на баржах по Каспийскому морю в Азербайджан) производилась по железной дороге из Баку на черноморское побережье Грузии. Эта нефть доставляется в порт Батуми и нефтяной терминал в Кулеви. С помощью такого сложного маршрута перевозилось свыше 200 тыс. баррелей сырой нефти в сутки.

Благодаря данным усилиям каспийская нефть стала важным фактором международного энергетического рынка, а Грузия – важным транзитным государством. Однако указанное положение несет в себе немалые военно-политические риски. В частности, все описанные объекты инфраструктуры нефтяного транзита проходят или располагаются недалеко от границы Грузии с двумя непризнанными сепаратистскими образованиями: Абхазией и Южной Осетией.

Вдобавок к перечисленным коммуникациям необходимо отметить старейший каспийский нефтепровод Баку–Новороссийск, построенный еще в советское время. Мощность трубопровода, пролегающего по территории Азербайджана и России (через Дагестан, Чечню, Ставропольский и Краснодарский края), – 100 тыс. баррелей в сутки. Как будет показано, в 1990-е годы нефтепровод становился объектом геополитических планов и проекций лидеров сепаратистской Чечни–Ичкерии.

Таким образом, описываемые далее процессы в Абхазии, Чечне и Южной Осетии проходили в контексте реализации этих инфраструктурных проектов по транспортировке каспийской нефти. Кроме того, проекты (особенно нефтепровод Баку–Супса) располагались в подозрительной близости от Абхазии и Южной Осетии.

Абхазский кейс. Сначала интересно исследовать абхазский казус. Тяжелая война с Грузией и победа в этой войне не принесли Абхазии ни экономического процветания, ни политического признания. В январе 1996 г. СНГ как организация ввела санкции в отношении Абхазии, направленные на то, чтобы заставить руководство республики повернуть в сторону Грузии и начать налаживать двустороннее сотрудничество. Однако этот шаг был встречен в Сухуме не просто с непониманием, он был охарактеризован как объявление блокады Абхазии.

Данная ситуация привела к тому, что абхазские политики, не желая идти на компромисс с Грузией, начали смотреть на мир через геополитическую призму. Здесь им на помощь пришли зарубежные соотечественники. Активная черкесская диаспора и ее немногочисленное абхазское крыло оказывали посильную поддержку официальному Сухуму во время войны с Грузией в 1992–1993 гг. В условиях постконфликтной ситуации, в атмосфере изоляции и непризнания, поддержка диаспоры стала особенно важной для Абхазии, что признавали ее официальные представители [Лепсая 2000, с. 69]. В целях оказания давления на Тбилиси абхазская сторона использовала коммуникационный аргумент. Абхазский политический класс и лоббистские круги за границей избрали в качестве такого средства информационно-силовое давление на ведущие международные нефтяные, сервисные и строительные компании, вовлеченные в прокладку нефтепровода Баку–Супса. Абхазская сторона предельно откровенно давала понять мировым нефтяным концернам о том,

что цена их участия в энергетических проектах на территории Грузии может оказаться чрезмерно высокой. Эта мысль была сформулирована в упомянутых выше письмах полномочного представителя Абхазии в США Инала Казана, направленных в адрес топ-менеджеров крупных международных компаний, занятых в строительстве нефтегазовых объектов на территории Грузии. В частности, адресатами этих посланий стали такие персоны, как Кеннет Дерр – председатель Совета директоров корпорации «Шеврон», Ричард Мацке – президент «Шеврона», Тревор Морган – исполнительный директор фирмы «McConnell Dowell Constructors», а также топ-менеджеры таких концернов, как японская «Marubeni», немецкая «Deutsche Morgan Grenfell C.J.», и др. Что же конкретно писали абхазские политические активисты из США главам известных на весь мир корпораций? Они убеждали зарубежных инвесторов в том, что в Закавказье существуют высокие политические риски, которые могут оказаться очень затратными для бизнеса, поскольку в регионе в любой момент может начаться новая грузино-абхазская война. В этой атмосфере, как заявляли проабхазские политики, сепаратисты оставляют за собой право на «полное разрушение возведенной нефтепроводной инфраструктуры на территории Грузии». В наиболее откровенной форме эта угроза была изложена в письме от 20 февраля 1998 г. на имя исполнительного директора фирмы «McConnell Dowell Constructors» Тревора Моргана. Послание гласит: «Сейчас Абхазия обладает всеми возможностями для разрушения любых попыток по строительству трубопровода через грузинскую территорию. Это диктуется соображениями нашей национальной безопасности, поскольку доходы, которые будет получать Грузия от транзита нефти, могут быть использованы ею против абхазской государственности».

Однако это еще не все. Абхазская позиция не ограничивалась угрозами и военным блефом. Со своей стороны, представители Абхазии предлагали зарубежным компаниям трубопроводный маршрут по собственной территории – как безопасную альтернативу грузинскому проекту (рис. 1). Данное предложение было выполнено в стилистике «убеждающей карты» в письме Инала Казана от 26 января 1996 г. в адрес руководства корпорации «Шеврон». Здесь как никогда своевременны слова известного картографа Дж. Харли о том, что «составление карт имело свое значение во времена войн, для управления страной и при определении имущественных отношений» [Harley 1988, p. 298]. Карта может выступать в качестве политического справочника, который в данном случае выражает текущие стимулы и политические интересы абхазских политиков.

В военно-техническом плане у абхазской стороны были все условия для осуществления своих угроз, поскольку такие черноморские порты Грузии, как Поти, Супса и Кулеви находились недалеко от границ Абхазии. К тому же, будучи расположенными на территории шириной не более 25 км, они

могли стать хорошей мишенью в случае возобновления войны между Грузией и Абхазией. Однако, как показывают документы, несмотря на жесткую постконфликтную риторику, абхазская сторона не собиралась выполнять свои угрозы.

Указанные обращения абхазских политиков и активистов, адресованные иностранным компаниям, участвующим в каспийском нефтяном бизнесе и закавказских трубопроводных проектах, можно оценивать как элемент информационной политики Сухума для оказания давления как на официальный Тбилиси, так и на зарубежных инвесторов. Однако абхазская сторона не ограничилась обращением к международным бизнес-структурам. Частью информационной политики заграничных абхазских кругов стали аналогичные обращения в адрес международных организаций. В частности, «Миссия Абхазии» 20 января 1998 г. направила возмущенное письмо на имя тогдашнего постпреда США при ООН Билла Ричардсона. В письме выдвигались обвинения в адрес Соединенных Штатов за присуждение премии Центра Мира и Свободы им. Никсона тогдашнему президенту Грузии Э. Шеварднадзе. Обвинения также выдвигались в адрес Израиля за награждение Э. Шеварднадзе премией Института Демократии в Иерусалиме. Письмо заканчивалось абхазской оценкой Шеварднадзе: «Этот человек не дал мира ни Грузии, ни ее соседям».

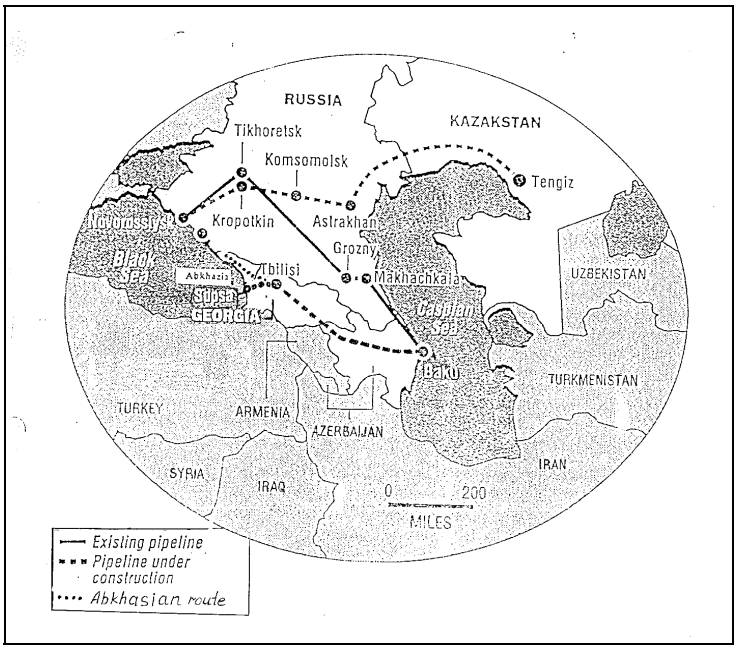

Рис. 1. Абхазский вариант строительства нефтепроводного маршрута Баку–Супса, предложенный западным компаниям в феврале 1998 г.

Важно, однако, признать, что значение описываемых писем больше символическое. Во внешнем мире эти заявления не вызвали никакого резонанса, а мировая экономика не заметила конфликта и угроз. Хотя, возможно, абхазская сторона рассчитывала произвести впечатление данными шагами. Как заметил бывший спикер абхазского парламента Станислав Лакоба, «урегулирование грузино-абхазского конфликта будет зависеть, помимо всего прочего, от того, по какому маршруту потечет каспийская нефть. И Западу пора отбросить иллюзии, стереотипы и расставить новые акценты, оказав на Грузию определенное давление с целью признания ею Абхазии» [Лакоба 2000, с. 120]. Однако эти ожидания оказались напрасны. Ни Грузия, ни крупные компании, вовлеченные в строительство и эксплуатацию нефтепровода, не отреагировали на обращения абхазской диаспоры.

Описываемый процесс можно рассматривать как дипломатический фрагмент и имитацию применения военной силы в условиях отсутствия у Абхазии международно-политических ресурсов. Неслучайно уже спустя год после обращений к мировым бизнес-структурам и международным организациям с позиций абхазского сепаратизма, Инал Казан начал выступать с примирительным планом между Тбилиси и Сухумом («Diaspora Peace Plan») и критикой в адрес тогдашнего главы Абхазии Владислава Ардзинбы. Излишняя политическая амбициозность и незнание местных реалий лидера абхазской диаспоры в США привели к политической размолвке между официальным Сухумом и Иналом Казаном: в 1999 г. последний перестал представлять интересы Абхазии в США и ООН.

Чеченско-ичкерийский кейс. Одновременно с описанным выше абхазским военно-транзитным кейсом такие же процессы происходили в сепаратистской Чечне в годы расцвета ее «независимости», в 1997–1998 гг. Лидеры сепаратистской «Ичкерии» под влиянием хасавюртовских соглашений, которые зафиксировали ослабление роли России в кавказских делах, сами начали выдвигать гегемонистские региональные проекты. Первой из таких стратегий была панрегиональная геоэкономическая конструкция под названием «Кавказский общий рынок». С таким проектом выступил Хож-Ахмед Нухаев – чеченский политический деятель, который в 1996–1997 гг. занимал должность вице-премьера в правительстве Ичкерии. Проект был заявлен как весьма амбициозный вариант сепаратистского самоутверждения за счет выдвижения внешне привлекательного «механизма региональной интеграции, который способен принести мир и стабильность на Кавказе». Здесь нет смысла описывать международный подтекст данного проекта и различные публичные аспекты его реализации. Отметим, что, согласно идее «Кавказского общего рынка», нефть Каспия, которая шла по территории Чечни по трубопроводу Баку–Новороссийск, должна была примирить Москву и Грозный. Еще одной панкавказской стратегией, исходившей из Грозного, можно считать громко

объявленный, хотя и весьма призрачный инфраструктурный коридор «Север–Юг», с помощью которого планировали соединить Иран, Кавказ и Россию. Несмотря на свою туманную и загадочную многозначительность, в реальности это было довольно авантюрным и столь же агрессивным начинанием. В его основе – идея строительства, как было заявлено, «северокавказской свободной экономической зоны» с центром в Чечне и последующим подчинением ей существующих транзитных путей и военно-силовых ресурсов. Главной стилистической характеристикой в продвижении данного плана выступал язык военно-дипломатического шантажа и давления. Высказывания чеченских политиков не оставляли в этом никаких сомнений. Однажды из Грозного в ультимативной форме заявили, что, если чеченский проект не будет принят, то под ударом может оказаться российский нефтепровод Баку–Новороссийск [Нухаев, Кожевников 1998, с. 2]. Здесь прослеживается узнаваемое сходство чеченской региональной стратегии с описанным выше абхазским кейсом.

Югоосетинский военно-транспортный казус в контексте «возвращения истории» и глобального геополитического противостояния

Немаловажным аспектом российско-грузинской войны августа 2008 г. (впоследствии названной «пятидневной») был энерго-коммуникационный вопрос. Этот аспект с первых же дней войны стал предметом ожесточенной пропаганды и информационных усилий воюющих сторон. Грузинская сторона заявила, что Россия, как страна-агрессор, нанесла воздушно-бомбовый удар по международному нефтепроводу Баку–Тбилиси–Джейхан, в результате которого этот объект разрушен. Москва хладнокровно опровергла эту информацию. Однако, как бы то ни было, гипотеза о трубопроводном содержании пятидневной войны стала достаточно популярной. Ведущие мировые и многие национальные СМИ в различных формулировках вынесли следующие вердикты: «Россия и Грузия: снова все о нефти», «Это очередная углеводородная война» [Соловьев 2008, с. 40; Feffer, Klare 2008]. Центральным тезисом данных и прочих расследований было утверждение об уязвимости и ненадежности Грузии как энерго-коммуникационного коридора, по которому каспийская нефть течет на Запад.

Сразу после начала военных операций, в ночь с 5 на 6 августа, компания «British Petroleum» (BP) – оператор трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан – выступила с заявлением об остановке прокачки нефти по этому маршруту. Причиной остановки послужил крупный пожар на одной из перекачивающих станций, расположенной в населенном пункте Рэфайя восточнотурецкой провинции Эрзинджан. Параллельно была остановлена транспортировка сырья по нефтепроводу Баку–Супса.

По свежим следам событий и далее по ходу развития конфликта появилось множество версий о том, что происходило вокруг трубопровода. Наиболее угрожающее объяснение было связано с терактом, который организовали курдские сепаратисты в Турции. Такая трактовка появилась после того, как 9 августа «Рабочая партия Курдистана» заявила о том, что она берет на себя ответственность за произошедшее.

Однако в процессе конфликта и после его завершения появился «абхазский след», который объяснял произошедшее с БТД действиями абхазских диверсантов. Такое объяснение выдвинул экономист Андрей Илларионов, бывший советник Путина, а ныне один из его настойчивых критиков. Данная трактовка была изложена в его докладе «Как готовилась война», опубликованной в «Новой газете» через год после окончания пятидневной войны. В качестве причины пожара на нефтепроводе Илларионов назвал абхазскую диверсию. В поддержку своей позиции экономист ссылался на сведения от анонимного источника в разведывательных структурах Абхазии. По словам Илларионова, этот неназванный источник утверждал, что «специально подготовленные диверсанты могут подорвать нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан» [Илларионов 2009а, с. 10–11].

На наш взгляд, этот тезис весьма спорен. На абхазском следе не настаивала даже грузинская сторона. Вопрос о причинах пожара на трубопроводе так и остался невыясненным. Рассуждения о терактах и обмен пропагандистскими ударами можно рассматривать как элементы информационной войны в ходе конфликта.

Россия была объявлена главным виновником в остановке работы трубопровода БТД. Обвинения западных и грузинских информагентств не отличались изобретательностью. Одни из них настаивали на том, что Москва стремится осуществлять военный контроль над нефтепроводной системой БТД. Другие обвинения рисовали Россию как агрессора, виновного в развязывании войны, и уже исходя из этого несущего ответственность за экономический и репутационный ущерб, нанесенный каспийскому нефтяному бизнесу [Илларионов 2009б, с. 4].

Что касается судьбы трубопровода во время конфликта, то оператор проекта «BP-Azerbaijan» опроверг грузинские заявления о ракетных взрывах на инфраструктуре БТД. Несмотря на это, компания «British Petroleum» на время прекратила перевалку нефти по БТД.

С военно-технической точки зрения, конфликт с Грузией показал хрупкость построенной в предыдущие годы системы каспийско-кавказских и каспийско-ближневосточных нефте- и газопроводов. Справедливости ради нужно отметить, что Россия не предпринимала никаких военных атак на грузинские энерго-транспортные объекты (нефтепроводы, порты, терминалы). Сказанное не касалось военной инфраструктуры, о чем открыто заявил министр ино-

странных дел РФ С. Лавров в статье «Почему действия России в Грузии были правильными», напечатанной в газете «Financial Times». Дословно было сказано следующее: «У России не оставалось другого выбора, кроме как выводить из строя военные объекты вне Южной Осетии, поскольку они использовались для снабжения грузинской агрессии» [Lavrov 2008, p. 22]. Несмотря на это, власти в Тбилиси распорядились о том, чтобы представители международных компаний и каспийских государств удалили из прибрежных портовых зон все танкеры и сухогрузы [Ержанов 2008, с. 5].

Югоосетинский политический класс не остался в стороне и также манифестировал военно-транзитную и коммуникационную составляющую текущих военных действий. Но политики выступали не как самостоятельный субъект кавказской политики, они транслировали позицию российского правительства. Полномочный представитель Южной Осетии в России Дмитрий Медоев озвучил угрожающее заявление в адрес Грузии из Москвы. Угроза состояла в том, что югоосетинская сторона в качестве своей законной мишени для военных ударов выберет экспортные трубопроводы на грузинской территории, чтобы разрушить репутацию Тбилиси как надежного экономического партнера [Соловьев 2008, с. 40]. Заявление югоосетинского политика смотрелось особенно угрожающе в контексте сообщения грузинского МИДа о том, что российская авиация атаковала нефтепровод БТД.

Вряд ли это совпадение, но совершенно похожая риторика применялась, как было показано, полномочным представителем Абхазии в адрес Грузии и международных корпораций во второй половине 1990-х годов. Данный факт позволяет говорить о типологической и стилистической близости абхазского и югоосетинского военно-дипломатических кейсов.

Выводы

Не вызывает никаких сомнений, что аналитический инструментарий и подходы «критической геополитики» обладают немалым познавательным потенциалом для понимания и объяснения постсоветских каспийско-кавказских процессов. Критический взгляд возвращает географию в геополитику. Локальная география конфликтов и постконфликтных дипломатических имитаций многомерна и не подчинена логике государственных границ и геополитических мегарассказов.

Проведенный анализ показал, что энергетические войны и связанные с ними дипломатические имитации становятся важными составляющими внешней политики непризнанных государств и сепаратистских образований. Он также позволяет говорить о том, что торговые пути при определенных обстоятельствах становятся путями войны.

Несмотря на схожие черты военно-дипломатической активности мятежных регионов Кавказа на энергетическом направлении, нельзя не признать различий, обусловленных контекстом рассматриваемых процессов. Если говорить о контексте, то политическая атмосфера, окружающая появление абхазского и чеченского военно-дипломатических кейсов, была продиктована экономическим упадком и политической дезинтеграцией двух постсоветских стран – России и Грузии в 1990-е годы. Напротив, югоосетинский военно-транспортный демарш протекал в атмосфере происходивших в 2000-е годы грузинской модернизации, с одной стороны, и геополитического подъема России – с другой. Эти растущие силы столкнулись в Южной Осетии, чья политическая элита в лице полномочного представителя в России выступила со своим военно-транзитным аргументом против Грузии.

Существуют и внутренние отличия самих кавказских кейсов. Абхазское и чеченское энерго-дипломатические усилия 1990-х годов не были составляющими военной стадии сепаратистского конфликта, как это произошло в Южной Осетии в 2008 г. Первые можно рассматривать в качестве элементов поствоенных дипломатических ультиматумов сепаратистских территорий в адрес центральных властей и международных энергетических корпораций. Логика возникновения абхазского и чеченского военно-дипломатических кейсов обусловлена кризисом и временным упадком грузинской и российской государственности в 1990-е годы. Оба этих случая состояли из дипломатических симулякров, фрагментов и имитаций, «изобретаемых» местными политическим элитами. Используя военно-силовую риторику в отношении различных коммуникационных и ресурсных проектов, они отчаянно пытались стабилизировать свой неустойчивый политический статус.

Однако более важным является факт признания отличий между конфликтами 1990-х годов и войной 2008 г. В частности, важным отличием пятидневной войны августа 2008 г. от конфликтов в Абхазии и Чечне (которые оценивались здесь как локальный казус сепаратизма) стало то, что это она вышла за локальные кавказские рамки и стала частью глобальных процессов.

Большинство наблюдателей описывали события пятидневной войны в терминах международно-политического и глобального соперничества. А некоторые западные аналитики оценивали эти процессы как часть эпопеи по «возвращению истории». Специалисты в области мировой безопасности Хэмпширского колледжа Дж. Феффер и М. Клэр сформулировали этот поворот следующим образом: «Комментируя войну на Кавказе, большинство американских аналитиков склонны рассматривать ее как часть незавершенной “холодной войны”. Это проистекает из интенсивной геополитической борьбы за поток каспийских энергоносителей на рынки Запада. Россия посылает сигнал всему остальному миру, что она намерена сохранить свою хватку в регионе Каспийского моря, что бы ни случилось» [Feffer, Klare 2008, p. 16].

Таким образом, аналитический арсенал «критической геополитики» может стать хорошим фундаментом для потенциально плодотворного анализа многих властно-политических процессов. Локальные политические интересы непризнанных государств постсоветского Кавказа проявляли себя через нефтяные и транзитные призмы. Раннеабхазский и раннечеченский инфраструктурный шантаж 1990-х годов представлял собой военно-дипломатическую имитацию для выхода политических элит этих непризнанных территорий в международную публичную политику.

Библиография

Гусейнов В. А. Каспийская нефть: экономика и геополитика. М.: Олма-Пресс, 2002. 379 с.

Ержанова Ж. Астана отзывает свою нефть из Батуми // Независимая газета. 2008. 12 августа. С. 5.

Илларионов А. Как готовилась война. Исследование Андрея Илларионова о том, что предшествовало августовским событиям 2008 года. Окончание // Новая газета. 2009а. № 69 (1483). 1 июля. С. 10–11.

Илларионов А. Как готовилась война. Исследование Андрея Илларионова о том, что предшествовало августовским событиям 2008 года. Послесловие // Новая газета. 2009б. № 88. 14 августа. С. 4.

Королёв С. Поглощение пространства. Геополитическая утопия как жанр исторического действия // Дружба народов: независимый литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1997. № 12. С. 73–87.

Лакоба С. Грузино-абхазские отношения в контексте российской политики на Кавказе // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Irvine: University of California Press, 2000. Вып. 4: Гражданское общество, беженцы, государственное устройство: материалы грузино-абхазской конференции. Москва, 25–27 марта 2000 г. С. 104–130.

Лепсая А. Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта. Факторы, влияющие на урегулирование // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Irvine: University of California Press, 2000. Вып. 4: Гражданское общество, беженцы, государственное устройство: материалы грузино-абхазской конференции. Москва, 25–27 марта 2000 г. С. 60–87.

Магомедов А., Никеров Р. От Большого Каспия до Сахалина. Характер и рубежи борьбы за энергоресурсы Северной Евразии на этапах посткоммунизма. Ульяновск: УлГУ, 2011. 351 с.

Малышева Д. Большая энергетическая игра на Каспии // Год планеты: Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН. 2007. Вып. 2007 года. С. 176–183.

Нухаев Х.-А., Кожевников В. Инвестиции погасят конфликты… или создадут экономический каркас сепаратизма // Российские вести. 1998. 20 февраля. № 32 (1442). С. 2.

Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 152–158.

Соловьев В. Лишь бы не было трубы // Коммерсантъ-Власть. 2008. 11 августа. № 31 (785). С. 40.

Тоал Дж., Колосов В. Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура // Вестник общественного мнения. 2009. № 2 (100). С. 38–54.

Agnew J., Dalby S., Flint C., Mamadouh V., Newman D., Schonfield R. Geopolitics at 25: An Editorial Journey Through the Journal's History. Special Section: Domestificating Geopolitics // Geopolitics. 2020. Vol. 25. Issue 5. P. 1199–1227.

Anker M., Baev P., Brunstad B., Overland I., Torjensen S. The Caspian Sea Region Towards 2025. Caspia Inc., National Giants or Trade and Transit? Utrecht: Eburon Academic Publishers. CW Delfi, 2010. 153 p.

Feffer J., Klare M. Russia and Georgia: All About Oil // Foreign Policy in Focus. 2008. August 13. URL: https://fpif.org/Russia_and_georgia__all_about_oil/ (дата обращения: 17.05.2020).

Foucher M. The Geopolitics of Front Lines and Borderlines // Geopolitics. 2000. № 5. P. 163–165.

Groves J. Have the Russians ALREADY planted mines on Britain's ocean cables network? // Daily Mail. 2022. 7 October. URL: http: www.dailymail.co.uk/news/article-1129296/Have-Russians-planted-mines-Britains-ocean-cables-network.html (дата обращения: 26.11.2023).

Harley J. Maps, Knowledge and Power // The Iconography of Landscape: essays on the symbolic representations, design and use of past environments. Cambridge: Cambridge University press, 1988. P. 277–312.

Ismailov M. Power, Knowledge, and Pipelines: Understanding the Politics of Azerbaijan's Foreign Policy // Caucasus Survey. 2014. Vol. 2. № 1–2. P. 79–129.

Kubicek P. Energy Politics and Geopolitical Competition in the Caspian Basin // Journal of Eurasian Studies. 2013. № 2 (4). P. 171–180.

Lacoste Y. Rivalries for Territory // Geopolitics. 2000. № 5. P. 128–156.

Lavrov S. Why Russia's Responce to Georgia WasRight // The Financial Times. 2008. August 13. URL: http://www.ft.com/cms/s/0/7863e71a-689e-11dd-a4e5-0000779fd18c.html (дата обращения: 25.08.2020).

Maillot H. Apres les sabotages de Nord Stream, la France doit-elle s'inquieter pour ses cables sous-marins? // Le Figaro. 2022. 6 Octobre. URL: https:www.lefigaro.fr/international-apres-les-sabotages-de-nord-stream-la-france-doit-elle-sinquinter-pour-ses-cables-sous-marins (дата обращения: 25.10.2023).

O'Loughlin, J. New Horizons for Regional Geography // Eurasian Geography and Economics. 2009. Vol. 50. Issue 3. P. 241–251.

References

Agnew J., Dalby S., Flint C., Mamadouh V., Newman D., Schonfield R. Geopolitics at 25: An Editorial Journey Through the Journal's History. Special Section: Domestificating Geopolitics. Geopolitics. 2020. Vol. 25. Issue 5. P. 1199–1227.

Anker M., Baev P., Brunstad B., Overland I., Torjensen S. The Caspian Sea Region Towards 2025. Caspia Inc., National Giants or Trade and Transit? Utrecht: Eburon Academic Publishers. CW Delfi, 2010. 153 p.

Feffer J., Klare M. Russia and Georgia: All About Oil. Foreign Policy in Focus. 2008. August 13. URL: https://fpif.org/Russia_and_georgia__all_about_oil/ (date of access: 17.05.2020).

Foucher M. The Geopolitics of Front Lines and Borderlines. Geopolitics. 2000. N 5. P. 163–165.

Groves J. Have the Russians ALREADY planted mines on Britain's ocean cables network? Daily Mail. 2022. 7 October. URL: http: www.dailymail.co.uk/news/article-1129296/Have-Russians-planted-mines-Britains-ocean-cables-network.html (date of access: 26.11.2023).

Guseinov V.A. Kaspiyskaya neft: ekonomika i geopolitika [Caspian oil: economics and geopolitics]. Moscow: Olma Publ., 2002. 379 p. (In Russ.)

Harley J. Maps, Knowledge and Power. The Iconography of Landscape: essays on the symbolic representations, design and use of past environments. Cambridge: Cambridge University press, 1988. P. 277–312.

Illarionov A. Kak gotovilas' voyna. Issledovaniye Andreya Illarionova o tom, chto predshestvovalo avgustovskim sobytiyam 2008 goda. Okonchaniye [How the war was being prepared. A study

by Andrei Illarionov about what preceded the August events of 2008. Ending]. Novaya gazeta [New newspaper], 2009a. N 69 (1483). 1 July. P. 10–11. (In Russ.)

Illarionov A. Kak gotovilas' voyna. Issledovaniye Andreya Illarionova o tom, chto predshestvovalo avgustovskim sobytiyam 2008 goda. Poslesloviye [How the war was being prepared. A study by Andrei Illarionov about what preceded the August events of 2008. Afterword]. Novaya gazeta [New newspaper], 2009b. N 88. 14 August. P. 4. (In Russ.)

Ismailov M. Power, Knowledge, and Pipelines: Understanding the Politics of Azerbaijan's Foreign Policy. Caucasus Survey. 2014. Vol. 2. N 1–2. P. 79–129.

Korolev S. Pogloshcheniye prostranstva. Geopoliticheskaya utopiya kak zhanr istoricheskogo deystviya [Absorption of space. Geopolitical utopia as a genre of historical action]. Druzhba narodov: Nezavisimyy literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy zhurnal [Friendship of Peoples. Independent literary, artistic and socio-political magazine] 1997. N 12. P. 73–87. (In Russ.)

Kubicek P. Energy Politics and Geopolitical Competition in the Caspian Basin. Journal of Eurasian Studies. 2013. N 2 (4). P. 171–180.

Lacoste Y. Rivalries for Territory. Geopolitics. 2000. N 5. P. 128–156.

Lakoba S. Gruzino-abkhazazskiye otnosheniya v kontekste rossiiskoi politiki na Kavkaze [Georgian-Abkhaz relations in the context of Russian policy in the Caucasus]. Aspekty gruzino-abkhazskogo konflikta [Aspects of the Georgian-Abkhaz conflict]. Irvine: University of California Press, 2000. Issue 4: Grazhdanskoe obshchestvo, bezhentsy, gosudarstvennoe ustroistvo [Civil society, refugees, government]: materials of the Georgian-Abkhaz conference: civil society, refugees, state structure. Moscow, 25–27 March 2000]. P. 104–130. (In Russ.)

Lavrov S. Why Russia's Responce to Georgia WasRight. The Financial Times. 2008. August 13. URL: http://www.ft.com/cms/s/0/7863e71a-689e-11dd-a4e5-0000779fd18c.html (date of access: 25.08.2020).

Lepsaya A. Situatsiya v Abkhazii kak model zamknutogo obshestva pri nalichii vneshnego konflikta. Faktory, vliyaushie na uregulirovanie [The situation in Abkhazia as a model of a closed society in the presence of an external conflict. Factors influencing the settlement]. Aspekty gruzino-abkhazskogo konflikta [Aspects of the Georgian-Abkhaz conflict]. Irvine: University of California Press, 2000. Issue 4: Grazhdanskoe obshchestvo, bezhentsy, gosudarstvennoe ustroistvo [Civil society, refugees, government]: materials of the Georgian-Abkhaz conference: civil society, refugees, state structure. Moscow, 25–27 March 2000]. P. 60–87. (In Russ.)

Magomedov A., Nikerov R. Ot bolshogo Kaspiya do Sakhalina. Kharakter i rubezhi borby za energoresursy severnoi Evrazii na etapakh postcommunizma [From the big Caspian to Sakhalin. The nature and boundaries of the struggle for energy resources of Northern Eurasia at the stages of post-communism]. Ulyanovsk: Publishing house of Ulyanovsk State University, 2011. 351 p. (In Russ.)

Maillot H. Apres les sabotages de Nord Stream, la France doit-elle s'inquieter pour ses cables sous-marins? Le Figaro. 2022. 6 Octobre. URL: https:www.lefigaro.fr/international-apres-les-sabotages-de-nord-stream-la-france-doit-elle-sinquinter-pour-ses-cables-sous-marins (date of access: 25.10.2023).

Malysheva D. Bolshaya energeticheskaya igra na Kaspii [The great energy game in the Caspian]. God planet [Year of Planet]: Yearbook 2007. Moscow: IMEMO Publ., 2007. Issue of 2007. P. 176–183. (In Russ.)

Nukhaev Kh.-A., Kozhevnikov V. Investitsii pogasyat konflikty… ili sozdadut ekonomicheskii karkas separatizma [Investments will extinguish conflicts… or create an economic framework for separartism]. Rossiiskie vesti [Russian news], 1998, 20 February, N 32 (1442). P. 2. (In Russ.)

O'Loughlin, J. New Horizons for Regional Geography. Eurasian Geography and Economics. 2009. Vol. 50. Issue 3. P. 241–251.

Soloviev V. Lish by ne bylo truby [If only there was no pipe]. Kommersant-Vlast [Commersant-Power]. 2008. 11 August. N 31 (785). P. 40. (In Russ.)

Yerzhanova Zh. Astana otzyvayet svoyu neft' iz Batumi [Astana withdraws its oil from Batumi]. Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper]. 2008. 12 August. P. 5. (In Russ.)

Окunev I.Yu. Kriticheskaya geopolitica i postkriticheskii sdvig v issledovatelskoi paradigm geopolitiki [Critical geopolitics and post-critical shift in the research paradigm of geopolitics]. Kulturnaya i gumanitarnaya geografiya [Cultural and humanitarian geography]. 2012. T. 1. N 2. P. 152–158. (In Russ.)

Toal J., Kolosov V. Nestabilnost na Severnom Kavkaze i soveremennaya rossiiskaya geopoliticheskaya kultura [Instability in the North Caucasus and contemporary Russian geopolitical culture]. Vestnik obshestvennogo mneniya [The Herald of public opinion]. 2009. N 2 (100). P. 38–54. (In Russ.)